

DOI: 10.15372/HSS20190309
УДК 821.161'01–311.8"14"

Т.В. ПАНИЧ

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЛИДЕРЫ СООБЩЕСТВА ЦЕРКОВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.:
МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,

В статье рассматриваются творческие связи между видными представителями русской письменной культуры второй половины XVII в., входившими в сообщество церковных писателей из окружения патриарха. В фокусе внимания автора статьи – интеллектуальные лидеры сообщества: Афанасий Холмогорский, Игнатий (Римский-Корсаков), Евфимий Чудовский и Митрофан Воронежский. В качестве материала исследования использованы рукописи конца XVII – начала XVIII в.: произведения указанных писателей. Анализируются межличностные коммуникации интеллектуальных лидеров сообщества, выявляются и определяются особенности и способы контактов. В исследовании сделан вывод о том, что в процессе коммуникаций лидеров сообщества продуцировались идеи и ценностные установки, оказывавшие влияние на формирование его социокультурной идентичности.

Ключевые слова: церковные писатели XVII в., публицистика, интеллектуальные лидеры, межличностные коммуникации, идентичность.

T.V. PANICH

**INTELLECTUAL LEADERS OF THE COMMUNITY
OF CHURCH WRITERS OF THE SECOND HALF OF XVII CENTURY:
INTERPERSONAL COMMUNICATIONS**

Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The community of church writers from the Patriarch's surrounding occupied a specific place among the variety of groups of intellectual influence in the second half of the XVII century. The paper focuses on the most bright leaders of the community: Afanasy Kholmogorsky, Ignatius (Rimsky-Korsakov), Euphymius Chudovsky and Mitrofan Voronezhsky. The author uses manuscripts dated from the late XVII – early XVIII centuries as research materials, which are personal essays of the abovementioned writers or their contemporaries. The article objective is to identify and examine interpersonal communications of the community intellectual leaders based on the scientific analysis of these sources; receive data on the ways of their artistic communication and relations, ideas and values that were born within such communication.

Almost all mentioned leaders of the community had a significant ideological and spiritual influence both on their surrounding and large groups of population due to their church activities. The main tool of their intellectual influence was spoken and written word. Studying their works shows that they reflected not only the specificities of literary works and interpersonal contacts, but also their active participation in the social life and debates on topical issues of the the epoch; demonstrated their role in preserving and maintaining the Orthodox standards and values as a traditional basis of the Russian national life and culture. Interpersonal communications of intellectual leaders of the church writers' community close to the Patriarch were of constant and intense character. There were different ways to contact, including direct communication during face-to-face meetings; letters; author texts and books exchange (new translations of patristic and works by late Byzantine church writers); and cooperative bookish works. Within these artistic communications the writers exchanged their ideas, mastered their literary skills, polemic skills, developed their ideology, values and socio-cultural milestones influencing formation of the community identity.

Key words: XVII century church writers, publicism, intellectual leaders, interpersonal communications, identity.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18–09–00094а.

Тамара Васильевна Панич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: istochnik@history.nsc.ru.

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, Leading Research, Institute of History SB RAS.

Общественная обстановка, сложившаяся во второй половине XVII в. в силу разных исторических, культурных и политических событий, способствовала появлению разных (порой диаметрально противоположных по своим воззрениям, идеалам и ценностным ориентирам) интеллектуальных сообществ, по-своему реагирующих на происходившие преобразования и осуществлявших в новых исторических условиях поиск собственной идентичности. Каждое из сообществ выдвигало своих интеллектуальных лидеров, определявших направление и характер социокультурных установок группы, которые продуцировали идеи, формировавшие специфические признаки ее идентичности. Это были видные представители патриаршей Церкви, духовные вожди старообрядческого протестантского движения, интеллектуалы-западники.

Среди разных групп интеллектуального влияния второй половины XVII в. особое место занимало сообщество церковных писателей из окружения патриарха, которые были сторонниками греко-византийской православной учености и традиционных идейно-эстетических норм словесности, восходящих к святоотеческому письменному наследию. К наиболее ярким интеллектуальным лидерам данного творческого сообщества можно отнести таких церковных деятелей и писателей, как монах московского Чудова монастыря Евфимий; архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий; архимандрит Новоспасского монастыря, а впоследствии митрополит Тобольский и Сибирский Игнатий (Римский-Корсаков); епископ Воронежский Митрофан. Они обладали широкой эрудицией в сфере их компетенций, глубокими книжными знаниями, организаторскими способностями и пользовались признанием всех, кто входил в орбиту их влияния. Например, о масштабе личности (в ее духовном измерении) Митрофана Воронежского, характере его жизненного пути и общественных деяний может свидетельствовать факт его позднейшей канонизации: в XIX в. он был причислен к лику святых Русской православной церкви.

Практически все названные лидеры рассматриваемого сообщества в силу своей церковной деятельности оказывали идейное и духовное воздействие не только на свое окружение, но и на широкие слои населения. Основным орудием и средством их интеллектуального влияния являлось устное и письменное слово. Творческое наследие этих писателей, сохранившееся главным образом в рукописном виде (в списках конца XVII–XIX вв.), представляет собой богатый материал по разным аспектам религиозной, социальной и культурной жизни «переходной» эпохи. Научная ценность данных источников заключается еще и в том, что они содержат сведения, касающиеся персональных биографий интеллектуальных лидеров, способов и характера коммуникаций внутри группы, социальных связей и влияний за ее пределами. Изучение этих вопросов представляется актуальным в связи с тем, что интерес к проблемам, имеющим отношение к «персональной истории», «исторической биографии», «исто-

рии интеллектуальных сообществ», заметно усилился в последнее время, представляя одно из активно развивающихся направлений исторической науки. При этом, как пишет Л.П. Репина, «все более заметное место в современной интеллектуальной истории занимает интенсивный микроанализ, будь то анализ конкретного текста или ситуации, отдельной творческой личности или межличностных отношений в интеллектуальной среде» [1, с. 349].

Что касается рассматриваемого творческого сообщества, плодотворным с научной точки зрения может стать изучение межличностных коммуникаций его лидеров путем исследования созданных ими текстов. Таким образом, цель настоящей статьи – на основе анализа сочинений интеллектуальных лидеров сообщества церковных писателей второй половины XVII в., принадлежавших к кругу патриарха, рассмотреть их межличностные контакты, получить данные о способах и формах общения, идеях и ценностных установках, рождавшихся в процессе интеллектуального взаимодействия и оказывавших влияние на формирование социокультурной идентичности группы.

Как показывают источники, одной из форм интеллектуальных связей между лидерами и другими членами сообщества было совместное литературное творчество. Значимым итогом такого сотрудничества явилось, например, создание силами нескольких представителей группы публицистического сочинения – антилатинской книги «Щит веры», отражающей историю знаменитого спора о времени пресуществления Святых Даров на литургии¹, в котором писатели патриаршего круга были одной из полемизирующих сторон. Помимо Афанасия Холмогорского, который являлся организатором, редактором и автором отдельных текстов, в работе над книгой трудились и другие авторы. В состав книги вошли, например, тексты Евфимия Чудовского, братьев Лихудов, отдельные сочинения, написанные от имени патриарха Иоакима и его преемника Адриана.

Афанасий Холмогорский, несомненно, был одним из влиятельных интеллектуальных лидеров сообщества. Несмотря на то, что он жил вдалеке от центра социокультурных событий, к нему как к авторитетному наставнику, эрудированному церковному иерарху, знатоку книжности² обращались за советом и поддерж-

¹ Известны две редакции «Щита веры»: Основная (она представлена несколькими списками конца XVII–начала XIX в.) и Дополненная (ее единственный список конца XVII в. – ГИМ (Государственный Исторический музей), Синодальное собр., № 346). Текст Основной редакции книги сформировался после казни Сильвестра Медведева (11 февраля 1691 г.): все известные списки «Щита веры» содержат посвященную ему «Повесть о расстриге», которая сообщает о смерти Медведева (имеются в виду полные списки «Щита веры» или же списки книги в извлечениях, но с «Повестью о расстриге»). Работа по подготовке Дополненной редакции «Щита веры» продолжалась на протяжении еще нескольких лет, включая 1699 г. [2, с. 151–179].

² Всю свою жизнь Афанасий собирал книги, основал библиотеку при архиерейском доме в Холмогорах. Посмертная опись его

кой его единомышленники из окружения патриарха. При этом широко использовалось такое средство интеллектуального и творческого взаимодействия, как переписка. В переписке с холмогорским владыкой состоял, например, его друг и единомышленник, автор многочисленных, созданных в разных жанрах сочинений, Игнатий (Римский-Корсаков)³. В известном послании Игнатия Афанасию Холмогорскому о кончине патриарха Иоакима († 17 марта 1690 г.)⁴, которое впоследствии стало центральной частью его Жития⁵, есть указание на то, что написать «о скончании временного жития, во блаженной памяти преставльшаго, всесвятешаго кир Иоакима» новоспасского архимандрита просил холмогорский владыка «в грамотах своих»⁶. Судя по словам автора послания, он воспринимал это пожелание «боголюбивого» Афанасия как возложенное на него служение. Игнатий писал: «Се ныне время благоприятна... да служение, порученное нам архиерейством твоим, исполнено будет, еже видехом и еже слышахом, и руце наши осязахом... скончание всесвятешаго Иоакима патриарха сице бо бе»⁷. Интересно, что Игнатий отправлял Афанасию текст послания (скорее всего, это был его первоначальный вариант), как он пишет, «на разсуждение».

Думается, что архимандрит Игнатий рассматривал текст своего послания как материал для будущего Жития патриарха Иоакима, и в этом качестве направил его инициатору написания сочинения о кончине предстоятеля Церкви архиепископу Афанасию «на разсуждение». Очевидно, он ожидал получить его отзыв не только о содержании, но и о литературных достоинствах созданного им повествования. На это указывают характер и стилистика текста послания: большая часть использованных Игнатием стилистических приемов и средств была привлечена им из арсенала житийной топки. Они привнесли в рассказ о болезни и кончине патриарха Иоакима черты агиографического повествования. Таким образом, оба писателя, по-видимому, обсуждали в своей переписке текст будущего Жития патриарха. Осуществление этого проекта единомышленниками и духовными наследниками патриарха Иоакима, как представляется, было одной из мер, направленных на укрепление авторитета Церкви, усиление ее роли и влияния в обществе, которые заметно снизи-

библиотеки опубликована в книге В.М. Верюжского [3, с. 576–591]. Некоторые книги, принадлежавшие Афанасию Холмогорскому, были идентифицированы и рассмотрены в монографии М.В. Кукушкиной [4, с. 185–197].

³ О церковной деятельности и творчестве Игнатия (Римского-Корсакова) см. новейшее исследование священника И.А. Никулина: [5].

⁴ С большой долей вероятности можно утверждать, что указанная в описи книг Афанасия Холмогорского рукопись под названием «О успении Иоакима патриарха, письменная, в поддесть» [3, с. 589] представляла собой именно текст этого послания архимандрита Игнатия.

⁵ Издание текста послания в составе Жития патриарха Иоакима. [6, с. 164–178].

⁶ Там же. С. 165.

⁷ Там же.

лись в результате церковного раскола и последующих общественно-политическими событиями.

Этот пример коммуникаций между двумя интеллектуальными лидерами сообщества отчетливо показывает, что в процессе контактов они касались не только церковных дел или проблем из сферы идеологии (как было, очевидно, и во время подготовки «Щита веры»), но и обсуждали вопросы литературной культуры, которая во второй половине XVII в. претерпела ряд изменений [7; 8; 9]. Влияние происходивших трансформаций, в частности, проявление таких новаций, как «открытие ценности человеческой личности» и «индивидуального авторского начала» [7, с. 136–146; 8, с. 144–146], заметно и в послании Игнатия. Оно нашло отражение в усилении здесь авторского самосознания, изменении отношения писателя к литературному труду [10, с. 124–126].

Афанасий Холмогорский и Игнатий (Римский-Корсаков) сотрудничали и в период евхаристических споров. На это указывают слова Гавриила Домецкого (исполнявшего в то время должность архимандрита Новгородского Юрьева монастыря) в его полемическом диалоге с иеродиаконном Чудова монастыря Дамаскиным, когда он говорит о книге «Остен»⁸: «Знаю аз давно сию книгу “Остен”, привозил ко мне казать в Симонов монастырь иеродиакон Стефан Сахаров. Тогда была скорописью писана и поменше нынешняя, об одном пресуществлении. Тогда тетради те розвозили тайно из Чудова монастыря, а ходатаи и первья о том были Афанасий, архиепископ Колмогорский, да Игнатий Карсаков»⁹.

В келейной библиотеке Афанасия Холмогорского числилось несколько сочинений, принадлежавших перу Игнатия (Римского-Корсакова): «Слово на латин и лютеров» (БАН, Архангельское собр., с. 202); «Слово благочестивому и христоробивому воинству» (БАН, Архангельское собр., с. 201) и др. Игнатий, будучи уже митрополитом Тобольским и Сибирским, познакомил Афанасия Холмогорского и со своими Сибирскими посланиями («На арменов и полуарменов»), направленными на борьбу с расколом в Сибири. Для холмогорского владыки специально был подготовлен список данного эпистолярного комплекса¹⁰.

Интересно, что Афанасий является одним из персонажей сочинения сибирского митрополита. Он упоминается в 45-й главе Третьего послания, посвященной известному диспуту о вере, состоявшемуся в июле 1682 г. в Грановитой палате Кремля (где уча-

⁸ Сборник «Остен» был составлен Евфимием Чудовским и посвящен полемике о времени пресуществления святых Даров на литургии. Издание текста см.: *Остен*. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865.

⁹ Библиотека Академии наук (БАН), П.1.В.7. Л. 4. Рукопись представляет сочинение иеродиакона Дамаскина «105 ответов Домецкому», написанное в 1704 г.

¹⁰ Сочинение пополнило келейную библиотеку холмогорского архиепископа, о чем свидетельствует отметка на верхнем поле первого листа рукописи: «От библиотеки архиерейския Холмогорския» (БАН. Архангельское собр., с. 220).

ствовал и холмогорский владыка). А следующая глава послания целиком посвящена Афанасию Холмогорскому, о чем говорит ее название: «О ревности на соборе Афанасия, архиепископа Холмогорскаго, на Пустосвята». Здесь Игнатий дает личностную характеристику Афанасия, высоко оценивает его незаурядные полемические способности и твердость характера, храбрость и решительность, смелое поведение, проявленные им во время выступления с обличительной речью против защитников «древлего благочестия», несмотря на угрозы и даже нападение со стороны его оппонента – Никиты Добрынина (Пустосвята): «Вящше же всех обличаше его по ревности православный кир Афанасий, архиепископ Холмогорский, его же обличения не може убежати, сиречь словопрения, Пустосвят зелне поскрежета на нь зубы своими и ринуся на архиепископа и удари его в перси»¹¹. Возможно, Игнатий при написании названных глав использовал в качестве источника «Увет духовный», хотя, как показывает сопоставительный анализ, текстуальных совпадений нет, наблюдается лишь ситуативная близость между описанием события в «Увете духовном» и в Сибирских посланиях.

С именем Афанасия Холмогорского связан и еще один эпизод Сибирских посланий. Это небольшая глава («Сказание о приходе молебном в Соловки великаго государя царя») ¹², повествующая о путешествии Петра I в мае–июне 1694 г. (в тексте ошибочно назван июль, вероятно, автор рассказывал о событии по памяти) в Соловецкий монастырь и другие северные обители, в котором его сопровождал Афанасий Холмогорский. По-видимому, при написании данной главы Игнатий пользовался каким-то текстом, полученным им от Афанасия Холмогорского. Все указывает на то, что письменное общение между двумя иерархами, друзьями и единомышленниками продолжалось и после отъезда Игнатия в Сибирь. Для архиепископа Афанасия это была еще и связь с родиной, которую он не забывал в течение всей своей жизни.

Игнатий (Римский-Корсаков), как и Афанасий Холмогорский, поддерживал контакты со многими современниками – церковными деятелями и представителями русской культуры второй половины XVII в. Это был один круг общения. Исследователь церковной деятельности и творчества Игнатия (Римского-Корсакова) И.А. Никулин отмечал, что в его круг общения, помимо Афанасия Холмогорского, входили патриарх Иоаким, вологодский архиепископ Гавриил, Евфимий Чудовский, архимандрит Адриан – будущий патриарх,

и другие представители Русской православной церкви [5, с. 148–154].

С Афанасием Холмогорским переписывался и другой интеллектуальный лидер сообщества, писатель, поэт и переводчик, один из идеологов «грекофильства» – Евфимий Чудовский [11, с. 58–63], к книжному творчеству которого холмогорский владыка проявлял большой интерес¹³. Например, в его келейной библиотеке находилась рукописная книга «О тайнах церковных», которая, как свидетельствует собственноручная запись архиепископа, «писана на Москве» в 1685 г.¹⁴ Рукопись содержит список одного из важных в культурной программе грекофилов текстов – трактата Евфимия «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и теологии и стихотворному художеству и оттуду познавати Божественная писания или, и не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати и от чтения разум святых писаний познавати»¹⁵. Автор сочинения, рассуждая о том, какой язык – греческий или латинский – следует выбрать в качестве основы обучения, доказывает преимущество первого. Греческий язык, как полагал чудовский интеллектуал, являлся основой и формой сохранения православного вероучения. Изучение же латинского языка, по его мнению, привело бы к отступлению от православия, что грозило утратой вероисповедной идентичности. Как писал Евфимий: «Латинский же язык и учение, и писание во всех сих славяном нам чуждо и далече отсутствующо, и не точию непотребно отнюд, но паче вредно и губительно...»¹⁶.

Евфимий знакомил Афанасия Холмогорского и с другими своими публицистическими и полемическими сочинениями, а также с выполненными им переводами с греческого языка святоотеческих и церковно-канонических текстов, которые приобщали читателей к византийскому духовному наследию. В состав келейной библиотеки Афанасия Холмогорского попал, например, перевод Книги Дионисия Ареопагита¹⁷ (в подготовке которого участвовал и сам Афанасий) [12, с. 155–161]. Холмогорскому владыке был прислан также список перевода книги «Правил апостольских, собранных Климентом, папой Римским». Об этом сообщает запись книги из Синодального собрания ГИМ: «Сия книга Заповеди святых апостол из еллинскаго диалекта преведены быша на славенский язык трудолюбезным и честным отцем монахом Евфимием православным, пребывающим в великом царствующем граде Москве, обитающим же в Чюдове монастыре, в лето мироздания 7201-го и 202-го, а на Холмогоры

¹¹ БАН. Архангельское собр. С. 220. Л. 69–69 об.

¹² Путешествие царя описано в сочинении, созданном при архиерейском доме, по-видимому, при участии Афанасия Холмогорского. В XVIII в. оно было издано Н.И. Новиковым под заглавием: «О высочайших пришествиях великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших, о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину, к Архангельскому городу, о зачатию Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости» (М., 1783).

¹³ О доверительных отношениях между холмогорским архиепископом и Евфимием свидетельствует письмо чудовского инока, в котором он делился с Афанасием о том, как идет работа над переводами святоотеческих трудов, и о том, какие препоны в этом деле он встречает со стороны своих недоброжелателей [12, с. 155–161].

¹⁴ БАН. Архангельское собр. С. 164. Л. 1.

¹⁵ Издание текста см.: [13, с. 244–261].

¹⁶ Там же. С. 245.

¹⁷ БАН. Архангельское собр. С. 126.

к нам прислался 204-го года. И с сея книги у нас чистая переписаная в десть книга сего же 204-го лета»¹⁸. Запись, вероятно, сделана во время пребывания Афанасия Холмогорского в Москве.

Здесь, как видим, имеется и оценочная характеристика личности Евфимия Чудовского, подчеркиваются такие его индивидуальные особенности, как трудолюбие, честность и преданность книжному делу. На эти качества чудовского книжника указывал и иеродиакон Дамаскин, полемизируя с Гавриилом Домецким, который выступал на стороне лагинофилов в богословских спорах конца XVII в. Дамаскин так отвечал на нелестное высказывание Домецкого в адрес Евфимия: «А еже глаголеши, яко у него в словесех несвязно и нескладно, мною, яко ты толико ложных сих и подобных тем театрей не составил еси, елико он, Евфимий, о истинне потрудися, от греческаго бо во славенский диалект древних святых отец многи книги преведе, якоже нам видятся, яже суть Церкви святей нужнее и полезнее паче ваших авторств, в них же латинская лжа, а не святых отец истинное учение»¹⁹.

Подобные (и рассмотренные выше) отзывы современников об индивидуальных чертах и профессиональных качествах интеллектуальных лидеров изучаемого сообщества (а также самих его членов), зафиксированные в рукописях (иногда это лишь крупитцы информации), являются драгоценными свидетельствами, на основе которых можно составить представление (хотя бы самое общее) о той или иной персоне, о характере личных и творческих взаимоотношений между единомышленниками внутри группы и за ее пределами.

Произведения самих интеллектуальных лидеров отражают не только специфику их литературного творчества и межличностных контактов, но и участие этих представителей русской культуры «переходной» эпохи в общественной и церковной жизни; в обсуждении актуальных проблем эпохи²⁰; их роль в сохранении и поддержании стандартов и ценностей православия как традиционной основы русской национальной жизни и культуры. Опора на традиции православия и культурное наследие прошлого для представителей сообщества являлась залогом сохранения вероисповедной и социокультурной идентичности. Тема защиты православия и интересов православной Церкви стала магистральной темой публицистики этих авторов [14]. Она нашла отражение во многих произведениях. В дополнение к уже названным

выше сочинениям в качестве примера можно вспомнить Духовное завещание Митрофана Воронежского²¹. Здесь, как и в текстах его единомышленников, звучит проповедь, направленная на защиту Церкви от воздействия «нововводных чужестранных обычаев», «иностранных обычаев непотребных» и «соблазненных наветов»; содержатся призывы избегать общения с иноверцами и «ругателями Церкви». Необходимо отметить, что сочинение идейно и текстуально тесно связано с духовным завещанием патриарха Иоакима. Оба иерарха были современниками, единомышленниками, часто общались по церковным делам. Патриарх Иоаким в своем Духовном завещании предстает как неутомимый борец с иноземным влиянием, защитник государства, Церкви и православия. Поэтому, вероятно, его Завещание было использовано Митрофаном Воронежским при составлении им своего Завещания в качестве образца.

Итак, анализ привлеченных материалов показал, что межличностные коммуникации интеллектуальных лидеров сообщества церковных писателей круга Патриарха, которых сближала общность взглядов и интересов, носили постоянный и интенсивный характер. Контакты осуществлялись разными способами. Это было непосредственное общение в ходе личных встреч (чаще всего, по случаю каких-либо церковных мероприятий); переписка; обмен книгами (в том числе новыми переводами патристики, трудов поздних византийских церковных писателей) и авторскими текстами; совместное книжное творчество. В процессе коммуникаций интеллектуальные лидеры сообщества обменивались идеями, оттачивали свое литературное мастерство, навыки ведения полемического диалога, вырабатывали ценностные установки, идеологические и социокультурные ориентиры, оказывавшие влияние на формирование идентичности сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Изд-во «Круг», 2011. 559 с.
2. *Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 327 с.
3. *Верюжский В.М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб.: Типография И.В. Леонтьева, 1908. 683 с.
4. *Кукушкина М.В.* Монастырские библиотеки Русского Севера. Л.: Наука, 1977. 221 с.
5. *Никулин И.А.* Преподобный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург: Ред.-изд. отд. Екатеринбургской духовной семинарии, 2015. 312 с.
6. *Панич Т.В.* Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535 // Рукописи XVI–XXI вв.: исследование и публикации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. С. 140–190.

¹⁸ Государственный исторический музей (ГИМ). Синодальное собр. № 474. Л. 1 об. Под выполненным в Холмогорах еще одним списком книги, очевидно, имеется в виду рукопись: БАН. Архангельское собр. С. 122.

¹⁹ БАН. П. I. В. 7. Л. 9 об.

²⁰ Представители сообщества участвовали в обсуждении вопросов о пути и характере русского просвещения и планах создания высшего учебного заведения в Москве. Этой проблематике был посвящен упомянутый выше трактат Евфимия Чудовского «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и теологии и стихотворному художеству...».

²¹ Сочинение известно по рукописи: ГИМ. Синодальное собр. № 669. Л. 1–33 об. Список опубликован в 1897 г. священником С. Зверевым, который полагал, что Митрофан был автором лишь одного произведения – своего Завещания. См.: [15, с. 23–42].

7. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 178 с.

8. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л.: Наука, 1973. 253 с.

9. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с.

10. Панич Т.В. Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому о смерти патриарха Иоакима (автор как рассказчик и участник описываемых событий) // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск: Ред.-изд. центр НГУ, 2011. С. 121–127.

11. Панич Т.В. Евфимий Чудовский как интеллектуальный лидер сообщества церковных писателей второй половины XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. № 3. С. 58–63.

12. Панич Т.В. Письмо Евфимия Чудовского Афанасию Холмогорскому. К вопросу об участии Афанасия в переводах конца XVII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1990. С. 155–161.

13. Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур, 2009. 294 с.

14. Панич Т.В. Тема защиты православия в сочинениях писателей патриаршего круга второй половины XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 50–53.

15. Зверев С. Духовное завещание св. Митрофана, епископа Воронежского. Сергиев Посад: 2-я тип. А. И. Снегиревой, 1897.

16. Панич Т.В. Три духовных завещания церковных иерархов второй половины XVII в.: идейные и текстуральные связи // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 320–368.

REFERENCES

1. Repina L.P. The historical science at the turn of the XX–XXI century: social theories and historiographic practice. Moscow, 1970, 559 p. (In Russ.)

2. Panich T.V. Book “Shield of faith” in historical-literary context of the late XVII century. Novosibirsk, 2004, 327 p. (In Russ.)

3. Veryuzhskiy V.M. Afanasiy, the Archbishop of Kholmogory: his life and works related to the history of Kholmogory Diocese during the first 20 years of its existence and the Russian Church in general in the late XVII century. Saint Petersburg, 1908, 683 p. (In Russ.)

4. Kukushkina M.V. Monastic libraries of the Russian North. Leningrad, 1977, 221 p. (In Russ.)

5. Nikulin I.A. Eminent Ignatius (Rimsky-Korsakov), Metropolitan of Siberia and Tobolsk. Ekaterinburg, 2015, 312 p. (In Russ.)

6. Panich T.V. The life of Patriarch Joachim on the list of RSL, collection of I.D. Belyaev, № 29/1535. *Rukopisi XVI–XXI vv.: issledovaniya i publikatsii*. Novosibirsk, 2013, pp. 140–190. (In Russ.)

7. Likhachev D.S. Man in the literature of Old Russia. Moscow, 1970, 178 p. (In Russ.)

8. Likhachev D.S. Development of the Russian literature of the X–XVII centuries. Leningrad, 1973, 253 p. (In Russ.)

9. Sazonova L.I. Russian literary culture. Early New Age. Moscow, 2006, 894 p. (In Russ.)

10. Panich T.V. A message of Ignatius Rimsky-Korsakov to Afonasy Kholmogorsky on the death of Patirarch Joachim (the author as a storyteller and participant of described events). *Sibir' na perekrest'e mirovykh religiy: materialy mezhhregion. nauch.-prakt. konf.* Novosibirsk, 2011, pp. 121–127. (In Russ.)

11. Panich T.V. Euphymius Chudovsky as an intellectual leader of the church writers' community of the second half of the XVII century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2018, no. 3, pp. 58–63. (In Russ.)

12. Panich T.V. A letter of Euphymius Chudovsky to Afonasy Kholmogorsky. On the issue of Afanasy's participation in translations of the late XVII century. *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990, pp. 155–161. (In Russ.)

13. Fonkich B.L. Greek-Slavic schools in Moscow in the XVII century. Moscow, 2009, 294 p. (In Russ.)

14. Panich T.V. The theme of Orthodox Christianity's protection in the works of writers from the Patriarch surrounding in the second half of the XVII century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2014, no. 4, pp. 50–53. (In Russ.)

15. Zverev S. Testament of St. Mitrofan, Bishop of Voronezh. Sergiev Posad, 1897. [2], 42 p. (In Russ.)

16. Panich T.V. Three testaments of church hierarchs of the second half of XVII century: ideological and textual links. *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kul'tury XVI–XXI vv.* Novosibirsk, 2015, pp. 320–368. (In Russ.)

Статья принята редакцией 01.07.2019